

ЖЕЛАННАЯ ВСТРЕЧА

О ПУТЯХ СБЛИЖЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Моя память не фиксирует отдельные детали, мелочи о лицах, событиях, встречах. То, что в мемуарной литературе принято называть эпизодами, историческими анекдотами, проходит как-то мимо меня. Я помню облик человека в целом...

Сейчас я узнаю, что Всеволоду Эмильевичу исполняется 60 лет — и невольно памятью летишь на много лет назад, к 1896 г., когда я первый раз встретила с этим замечательным художником, режиссером и актером. Восстановить сейчас в нескольких словах облик этого сложного человека, конечно, мне не удастся.

Итак, 1896 г. Я на втором курсе драматической школы, бывш. Филармонического общества. Среди учащихся нашего курса появляется новый режиссер, новый «ученик», который сразу привлекает мое внимание, — В. Э. Мейерхольд. Жи-

во припоминаю его обаятельный облик, нервное подвижное лицо, вдумчивые глаза, непослушный характерный клок волос над умным, выразительным лбом, его сдержанность, почти даже сухость. При более близком знакомстве он поражаал своей культурностью, острым умом, интеллигентностью всего существа. Наш курс, благодаря хорошему подбору учениц и учеников, во главе с Всеволодом Эмильевичем, оставил добрую память о себе в школе своей серьезностью, желанием работать, развиваться, взять все, что могла дать тогда школа, своей дисциплиной, — и все это умел создать Всеволод Мейерхольд своей инициативой, умел объединить нас так, что мы представляли собой какой-то островок в потоке настроений, царивших среди учеников Филармонии. На втором курсе нам много пришлось работать самостоятельно, так как наш руководитель

Владимир Иванович Немирович-Данченко в это время заканчивал свою пьесу «Цена жизни» и не очень часто баловал нас своими в высшей степени интересными уроками.

В начале третьего курса мы с Всеволодом Эмильевичем и другими товарищами приготовили самостоятельно полтора акта из гримешей тогда «Родины» Зудермана, и после осеннего удачного спектакля нам было разрешено показать этот отрывок в гримах и костюмах, чем мы весьма гордились. Всеволод Эмильевич играл роль отца Магды (Магда — я) и, конечно, вся режиссерская работа была его. В течение сезона мы готовили с Владимиром Ивановичем «Василису Мелентьеву» Островского — целиком уже для выпускных экзаменов. Мейерхольд играл роль Грозного и очень интересно трактовал ее. Впоследствии, уже в нашем будущем

театре (второй сезон), он играл Грозного в первой части трилогии Алексея Толстого. Играл «Трактирщицу» Гольдони, Мейерхольд — маркиз Форлинополи, я — Мирандолина, и этот спектакль приезжал смотреть К. С. Станиславский. Впервые увидели мы в стенах школы его живописную фигуру с седыми волосами и черными бровями. Волнение было у нас совсем необычайное, так как уже носились слухи о создании в Москве нового какого-то необыкновенного театра, и Владимир Иванович уже говорил В. Э. Мейерхольду, М. Г. Савицкой и мне, что мы будем в этом театре, если осуществится мечта о его создании.

Слухи об организации нового театра и о приглашении нас троих на работу в нем становились все настойчивее и все больше волновали нас, и вот, наконец, 14/27 октября 1898 г. родился Московский Художественный Общедоступный театр под руководством К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Так начался наш сценический путь совместно с Мейерхольдом.

В декабре 1898 г. мы играли «Чайку» А. П. Чехова, пьесу, в которую мы все были влюблены, а заражал нас этой влюбленностью еще в школе Владимир Иванович. «Чайка» как-то утвердила, поставила наш театр на рельсы и показала В. Э. Мейерхольда, после ряда характерных ролей, сыгранных им, — хорошим драматическим актером. Мне кажется, что «Чайка» сыграла большую роль в жизни Мейерхольда — актера и режиссера. Уже начали смутно зарождаться его первые идеи об условном театре, более «театральном», чем наш. Всеволод Эмильевич не только играл, но и участвовал в выработке корпоративного устава и был привлечен к исполнению режиссерских обязанностей; уже стало заметно, что режиссер в его творческом облике преобладает над актером — что и подтвердилось в самом ближайшем будущем.

А. П. Чехов с большой симпатией относился к В. Э. Мейерхольду, всегда интересовался им, его сценическим ростом, часто говорил о нем, отмечая его серьезное, вдумчивое отношение к ролям. В письмах ко мне он спрашивал о его здоровье, советовал ему ехать на юг, отдыхать.

В 1902 г. Всеволод Эмильевич расстался с нами.

Пути наши разошлись, но и по сей пору я всегда с большим интересом, волнением и вниманием смотрю постановки Всеволода Эмильевича, хотя не всегда и не все принимаю в них. Я лично мечтаю и считаю возможным и непосредственную творческую встречу Мейерхольда с нашим театром. Я уверена, что никаких объективных принципиальных препятствий для такой встречи не могло бы быть.

Этим искренним пожеланием о творческой встрече я хочу закончить эти мои «воспоминания» о Всеволоде Эмильевиче в день, когда он как-то неожиданно, вдруг оказался маститым, шестидесятилетним...

Материалы, не вошедшие в полосу, будут напечатаны в следующем номере.